

УДК 323. 28

Риски безопасности в глобальном мире: концепции и стратегии управления

Артамонова Е.В. *tvm77777@mail.ru*

*Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации*

д-р полит. наук **Лукин В.Н.** *lvn55555@mail.ru*

*Санкт-Петербургский имени В.Б.Бобкова филиал
Российской таможенной академии*

193077, Россия, Санкт-Петербург, ул. Софийская, д. 52

д-р полит. наук **Муслиенко Т.В.** *tvm77777@mail.ru*

*Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
Институт безопасности жизнедеятельности*

196105, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения*

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15

В статье представлены результаты исследования основных тенденций развития политического анализа рисков безопасности в условиях глобализации. Дана характеристика основных концептуальных подходов к моделированию стратегий управления глобальными рисками, в числе которых рассмотрены экономические модели и стратегии финансовой политики по снижению рисков международного терроризма.

Ключевые слова: глобализация, управление, управляемость, безопасность, глобальность

Security risks in the global world: concepts and government strategy

Artamonova E.V. *tvm77777@mail.ru*

State Duma of Federal Assembly of Russian Federation

D.Sc. **Lukin V. N.** *lvn55555@mail.ru*

*Saint-Petersburg branch of the Russian Customs Academy
named after V.B.Bobkov*

192241, Russia, Saint-Petersburg, 52, Sofijskaja st.

D.Sc. **Musienko T. V.** *tvm77777@mail.ru*

*Saint-Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Life Safety Institute,*

*Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
196135, Russia, Saint-Petersburg, 15, Gastello st.*

The article presents the results of the research of the main trends of development of the political security risk analysis in the context of globalization. The article considers the characteristic of main conceptual approaches to modeling strategies to manage global risks, including the economic model and strategy of financial policy for reducing the risks of international terrorism.

Key words: globalization, government, governance, security, globality

Современная политическая наука развивается в условиях трансформации общественного устройства, когда нарастает интенсивность связей между людьми, отдельными группами, нациями, государствами, цивилизациями. Становление единого взаимосвязанного и взаимозависимого мира сопровождается частичной утратой самодостаточности традиционных национально-государственных форм человеческого бытия и формированием нового его качества, сущностной характеристикой которого является всеобщность.

Предметом исследования становятся сегодня угрозы и риски безопасности на глобальном, региональном и национальном, уровнях [28], проблемы обеспечения устойчивости [31] и управляемости глобальным развитием на всех уровнях общественной организации [23].

Мировая политика ориентирована на решение проблем, порождаемых глобализацией. Глобальный характер сегодня приобретает *проблема управления рисками безопасности*, особенности осмысления которой определяются основными концептуальными подходами к пониманию глобальной политики, сложившимися в политической науке [5].

П.Н.Афонин, указывая на негативные последствия глобализации, наиболее значимыми из которых являются природные катастрофы, ухудшение качества природной среды, демографический императив, проблема войны и мира, международный терроризм, техногенная безопасность, подчеркивает, что именно системный анализ и системное управление рисками глобализации рассматриваются в международной и отечественной практике как современное перспективное направление. Правомерность такого представления подтверждают результаты успешного внедрения технологий исследования рисков в самых разных областях медицины, техники, экономики, экологии и политики, сделавшие возможным считать эффективным инструментом для изучения и управления произвольными биотехническими, экологическими и социально-экономическими системами [8, С. 327].

В качестве приоритетов глобальной политики в контексте современного развития Эндрю Хейвуд особо выделяет риски, связанные, во-первых, с глобальными трансформациями в сферах экономики, социального и национального развития, и прежде всего в сфере управления, во-вторых, с изменением самого мироустройства и переходом к новому мировому порядку, в рамках которого оценивается реальность угрозы цивилизационных конфликтов, угроз, связанных с распространением оружия массового уничтожения и терроризма, а также приемлемость получивших достаточно широкое распространение стратегий гуманитарной интервенции и справедливой войны, в-третьих, с проблемой глобальной справедливости и соответствующими рисками распространения бедности, неравенства, утраты перспективы развития, нарушения прав человека и принципов демократии, гендерного неравенства и неравенства в сфере экологии. Перспективы современной глобальной политики связываются с поиском

оптимальной модели глобального управления, включающего сферы международных отношений и прежде всего ООН, мировой экономики, международного права и глобальной политики, межрегиональной интеграции [15].

Российские исследователи, оценивая риск как прогностическую меру опасного, инструмент превентивного управления безопасностью, разрабатывают на базе системного подхода алгоритмы построения моделей управления рисками [7].

Анализ рисков – процесс комплексной оценки защищенности системы с переходом к количественным или качественным показателям рисков. Под *управлением рисками* понимается процесс систематической идентификации и минимизации рисков, которые могут воздействовать на систему. Результаты анализа используются при выборе средств защиты, оценке эффективности существующих и проектируемых систем безопасности [8, С. 355].

Динамика мирового экономического кризиса показывает, что в общей совокупности экономических, политических, социальных и культурных изменений, происходящих в эпоху глобализации, именно экономическая глобализация становится значимым фактором современного развития.

Остается предметом научной дискуссии тезис о связи глобализации и роста конфликтов, насилия и террора в современном мире [26, 33]. В этой дискуссии преобладают две противоположные точки зрения на проблему взаимосвязи экономической глобализации и международного терроризма.

Наиболее распространен взгляд, согласно которому процессы, связанные с развитием мировой торговли и финансовых рисков, предстают факторами, способствующими распространению международного терроризма [32].

Ряд исследователей считает, что экономическая глобализация имеет результатом сокращение транснационального терроризма. Эта менее распространенная в научной литературе точка зрения привлекает внимание своей конструктивностью в плане разработки *экономических стратегий* противодействия терроризму.

Сторонники данной точки зрения выдвигают положение, согласно которому утверждается, что экономическая глобализация, способствуя экономическому развитию, сокращает социальную базу терроризма, что ведет к снижению активности террористических групп. Мировая торговля и оборот капитала, обуславливающие ускорение экономического развития, содействуют постепенному решению проблемы социального неравенства, что в конечном итоге ведет к сокращению рисков вовлечения в сферу террористической активности беднейших слоев населения.

Рассматривая экономическую глобализацию как процесс экономической интеграции, представители данного подхода (К. Ли, К. Шауб) стремятся определить эффекты экономической глобализации и подтвердить выдвигаемые гипотезы результатами систематических эмпирических исследований влияния экономической глобализации на расширение или сужение сети транснационального терроризма [24].

Риски финансовой глобализации и проблема контроля процессов, связанных с развертыванием глобальной инфраструктуры по отмыванию денег как источника финансирования международного терроризма, являются предметом политического и правового анализа [1].

Важность осмысления политических процессов финансовой глобализации признается не только представителями современной политической науки, но и видными аналитиками в области управления современной финансовой инфраструктурой.

Объединение усилий университетских центров и аналитических центров, созданных на базе институтов финансовой инфраструктуры, в поиске эффективных стратегий и технологий предотвращения рисков формирования глобальной сети финансирования международного терроризма – стало особенностью современного политического анализа рисков финансовой глобализации и ее связи с транснациональным терроризмом.

Учеными разрабатывается проблематика определения эффективных *стратегий финансовой политики* (А. Ашрая). Соответствующими стратегиями предусматривается:

- установление международных стандартов по предотвращению использования мировой финансовой инфраструктуры в террористических целях;
- развитие международного сотрудничества в этой сфере;
- создание новой парадигмы, позволяющей выдвигать инновационные концепции, программы и технологии регулирования и контроля финансовой деятельности в условиях глобализации в целях предотвращения криминализации финансовой деятельности и ее связи с международным терроризмом [13].

Все более очевидным становится понимание того, что стратегии принуждения и сдерживания экстремизма, стратегии противодействия международному терроризму, основанные исключительно на силовых методах, не могут гарантировать достижения долгосрочной безопасности. Мировая политика стоит перед необходимостью установления новых приоритетов политики глобальной безопасности, возможностей и средств политического регулирования глобальной сферы.

Современные зарубежные (С.Брэдфорд, М.Элброу, С. Хансон) [14, 18] и российские исследователи (Капицын, Г.Н.Нурышев, В.Ю.Сморгунова и другие) [4, 10, 11, 12, 2] все больше обращают внимание на то, что для обеспечения долгосрочной глобальной безопасности средствами политики важным является понимание механизмов функционирования мира глобальной политики, в котором существенное значение имеют характер сложившихся (включая региональный уровень) типов политической культуры и политического сознания.

В.М. Капицын подчеркивает, что в условиях глобализации космополитические идентичности стали узлом коммуникационной концептуализации и технологизации. В основе этих процессов – реализация проектов, имеющих в качестве космополитические ценности и принципы (общечеловеческая идентичность и универсальные общечеловеческие ценности, права человека, демократия, толерантность, свобода

трансграничного перемещения граждан и другие). Смысл и содержание глобального управления состоят в том, что «субъекты глобального управления и глобальные сети вносят их в массовое и элитарное сознание разных стран, что помогает серьезно влиять на идентификационные процессы, регулировать и искусственно повышать (снижать) политическую активность населения, оппозиции, НКО в тех или иных регионах» [4, С. 63].

Компаративные культурологические исследования взаимосвязи ценностей политической культуры, демократии и направленности процессов глобализации и модернизации, проведенные представителями и последователями Мичиганской школы политических исследований (Р. Инглехарт, Х.-Д. Клингеманн, К. Уэлзелл и другие) как кросснациональное исследование политических культур стран мира и процесса изменения ценностей в условиях модернизации и глобализации за последние десятилетия (World Values Surveys: WVS), еще раз подтвердили более ранние наблюдения и выводы теоретиков модернизации о том, что наличие или отсутствие подсистемы поддерживающей культуры (Supportive Culture) является ключевым фактором, объясняющим стабильность или неустойчивость общественной системы в целом [20].

Само определение культуры как «субъективного компонента стратегии общества в преодолении вызовов окружающей его среды, включающего в себя ценности, аттитюды, ориентации, навыки и знания людей» [20, Р. 55] подчеркивает функциональное значение политической культуры для обеспечения безопасности и выживания общественной системы.

В качестве примера соединения, на базе культурологического подхода, концептуальных положений экономических и психологических подходов возможно рассматривать интегративную теорию развития человека Уэлзела-Инглехарта-Клингемана (Theory of Human Development), ставшую основой соответствующей стратегии социальных изменений [25].

Стратегия социальных изменений разрабатывается с целью минимизации рисков глобального развития и оптимизации эффектов, связанных с процессами социоэкономического, культурного и политического развития, с учетом ключевых положений теории развития личности.

Суть интегративной теории социальных изменений состоит в соединении теоретических подходов к пониманию процессов социоэкономического развития, культурных изменений и развития демократии в условиях глобализации, с одной стороны, и установлении взаимосвязи этих трех факторов, с другой. Особая роль здесь отведена концепции социоэкономического развития (Socioeconomic Development) как фактора, способствующего расширению возможностей индивидуального выбора за счет обеспечения граждан соответствующими ресурсами (Individual Resources) [25, 16].

Симптоматично включение в концептуализацию политической культуры помимо традиционного ценностного, также и когнитивного компонента. В этом смысле сторонники культурологической парадигмы все более сближаются со своими оппонентами, придерживающимися рационалистической трактовки концепции политической культуры и роли такого его важного компонента, как политическое мышление.

Разработка соответствующих стратегий управления процессами общественного развития в условиях неопределенности и риска предполагает разработку новых многоуровневых подходов к пониманию проблемы развития человека, включая и субстантивную рациональность как определенную обобщенную систему ценностей и стандартов, интегрированных в мировоззрение личности [17, 27, 6].

Даниел Хаусман (D.Hausman) подчеркивает, что разрабатываемые в рамках экономического подхода теории рационального выбора (Rational Choice Theories), теории формирования предпочтений (Theories of Preference Formation) нуждаются в дальнейшем развитии, прежде всего с учетом особенностей трактовки концепции предпочтений с позиций современных философских рефлексий проблематики субъектного действия и его связи с нравственным выбором.

Хаусман полагает, что при построении моделей формирования предпочтений и процесса их изменения следует учитывать и когнитивные ориентации, прежде всего в аспекте разумности действия, и эмоциональные ориентации, а также ценности и нормы морали как важные факторы формирования предпочтений [19].

Традиционный культурологический анализ процесса изменения идентичности, ценностей и норм культуры в эпоху модернизации и глобализации дополняется сегодня анализом идеологии политической элиты как ключевого фактора развития глобальной культуры, способного оказывать на нее деструктивное воздействие, если речь идет об идеологии и стратегии стандартизации норм и ценностей культур, сложившихся в конкретных социальных контекстах.

Помимо экономического (теория рационального выбора) и культурологического (теории политической культуры, теории изменения ценностей) подходов, утверждается антропологический подход, акцентирующий внимание не на статических аспектах культуры (ценности, нормы, паттерны поведения), а на ее динамических аспектах (семиотические практики выработки смыслов, значений и соответствующих им символов: Semiotic practices of meaning production and symbols) [34].

Акцент на исследовании разнообразных систем символов и рассмотрение их в качестве основы политической культуры является отражением интерпретивной парадигмальной традиции. Переход от концептуализации культуры как фиксированной системы смыслов (Fixed system of meanings) к пониманию ее как практик продуцирования смысловых значений (Practices of meaning-making) рассматривается сторонниками антропологического подхода как потенциальная возможность получения

правильного ответа на вопросы «об условиях возникновения видов специфической семиотической активности (например, терроризма); о контекстах, в рамках которых они находят социальное выражение; об эффектах, производимых ими на мировое сообщество; о неуправляемости процессов, производимой по мере продуцирования подобных практик» [34, С. 721].

Характерно, что последователи классических подходов к пониманию международных отношений в современном мире, осмысливая проблематику глобальной безопасности и согласия, в свою очередь, акцентируют внимание на микроуровневых процессах и явлениях в асимметричном глобальном обществе [21].

Роберт Джексон уже в своей более ранней работе «Глобальное согласие» обращался не только к мегауровневым аспектам безопасности, но и к концепции безопасности личности, а также к идее индивидуальной безопасности, соотнося ее с концепциями глобальной и национальной безопасности [22].

Обосновывая свой подход к концептуализации глобального согласия или глобального пакта (Global Covenant), Джексон подчеркивает, что на индивидуальном уровне люди по-разному осмысливают мир и придерживаются различающихся ценностей и стандартов так, что концепция безопасности для представителей пост-модернистской культуры имеет совсем иное значение, чем для многих других [22], включая членов транзитных обществ, в особенности же маргиналов глобализации, для которых безопасность личности, а в ряде случаев даже собственная индивидуальная безопасность практически не имеет ценностной значимости, что объясняет отчасти природу актов насилия и агрессии со стороны тех, кто составляет реальную угрозу безопасности личности и человеческого сообщества, в целом.

В данном случае вполне очевиден институциональный подход к решению проблем глобальной безопасности и безопасности личности, основанный на идее глобального согласия, базирующегося на суверенитете государств, поддерживающих территориальное единство и политическую независимость стран и воздерживающихся от применения силы или насилия, нарушающих государственный суверенитет.

Вместе с тем Джексон апеллирует к религиозным и идеологическим аспектам системы глобального согласия, оценивая их с точки зрения потенциального вклада в обеспечение безопасности глобального мироустройства, а саму систему глобального согласия как уменьшающую риски «политической конфронтации, основанной на конфликте ценностей» [22, С. 182].

Институциональная модель и соответствующие стратегии политического управления рисками глобализации основываются на концепции глобального государства.

В.Г. Калюжный отмечает, что проблема «нового мирового порядка», или «мирового политического порядка», стала одной из самых широко обсуждаемых политико-теоретических проблем XXI века. Это вызвано появлением новых проблем и рисков,

связанных с процессами глобализации, и прежде всего с новыми формами мирового разделения труда, перераспределения мирового дохода, развития транснациональных сетей, международных политических и неправительственных организаций и другими причинами [3].

Подчеркивая, что глобальное государство рассматривается во многом как увеличенная модель наднационального государства, В.Г. Калюжный отмечает, что сторонники идеи о мировом правительстве «обосновывают ее как форму возможного будущего и склоняются к тому, что такому институту, если он будет создан сегодня, в первую очередь, не будет хватать акторской легитимности, способствующей обеспечению справедливого подчинения всех без исключения субъектов существующим нормам [3, С. 49].

Представители зарубежных научных школ и отечественные исследователи ориентированы на осмысление вопросов о реструктуризации моделей управления как на уровне государств, так и на уровне глобального наднационального пространства, о перспективах становления и модели системы глобального управления, определение роли государств в данной системе.

В этом ключе с позиций интегративного подхода, основанного на принципах неоинституционализма, осмысливает проблему Мартин Шоу (Martin Show), выдвигая идею глобального государства (Global State) как гаранта безопасности в эпоху глобальности [30]. Концепция глобального государства М.Шоу предстает одним из вариантов *политических моделей и стратегий* глобального управления. В основе модели М.Шоу – соединение элементов институционального и культурологического подходов [9].

Следует, однако, учитывать специфику институционального подхода в теории глобального государства Шоу (Theory of the Global State). Понятие глобального вводится Шоу как некая триада, представленная взаимосвязанными концепциями глобальности (Globality: G), глобальной революции (Global Revolution: GR) и глобального государства (Global State: GS).

Трактовка глобализации в теории Шоу исключает понимание ее как процесса, она трактуется как состояние (State) или кондиция (Condition), иными словами как глобальность (Globality).

При этом сущность глобальности составляют не формирующиеся новые социальные структуры и их взаимосвязи, а скорее новое социальное значение, смысл (Meaning), формирование которого составляет содержание данной трансформации, понимаемой в частности, как достижение всеобщности сознания человеческого сообщества на мировом уровне [30, Р. 11-12], что собственно, отличает данную теорию от традиционных теорий глобализации.

Суть определения глобальности Шоу – в понимании ее как состояния глобального сознания, а сама глобальность представляется как состояние, в котором собственно

социальные отношения «становятся глобальными тогда, когда они в значительной мере и достаточно постоянно регулируются осознанием всеобщности рамок существования всемирного человеческого общества» [30, Р. 12].

Представляет интерес не сама по себе нестандартность подхода Шоу, отличающая его теорию и от постмодернистских подходов, акцентирующих внимание на изменениях культуры как каузальном факторе глобальных проблем, и от традиционных теорий глобализации, ставящих в центр внимания анализ технологических и экономических изменений.

Специфика исследования Шоу заключается в обосновании значимости для функционирования мира глобальной политики политического сознания, а само осмысление проблематики планетарного политического мышления имеет определенное прикладное значение для разработки нормативной модели общедемократического мироустройства и концепции политики глобальной безопасности, включающей в качестве ее новых элементов и характеристик не только аспекты, связанные с формированием глобальной политической культуры, но и такого важного ее компонента, как глобальное политическое мышление.

В этом смысле интересны два других элемента триады (G – GR – GS) Шоу. Глобальная революция (Global revolution) трактуется здесь как возникновение такого глобального состояния, когда «политическая структура сознательных отношений на мировом уровне меняется фундаментальным образом» [30, Р.17], а также распространение демократии в глобальном обществе ведет к «глобальной демократической революции», в которой Шоу видит «каузальный фактор транзита к глобальной государственной системе» (Global State-System) [39, Р. 145].

В своем понимании глобального государства (Global State) Шоу опирается на представления о государстве как территориально демаркированной совокупности институтов с соответствующим персоналом, сконцентрированных в некотором центре, который обеспечивает политическое управление с опорой на фактор силы и иные формы государственной власти.

Такая концептуализация глобального государства дает Шоу основание рассматривать его как высший уровень государственной власти, конституируемой национальными государствами таким образом, что последние становятся структурными компонентами глобализованной целостности, в которой доминирующий слой государственной власти принадлежит глобальному государству Запада (Global Western State), включающему страны Северо-Атлантического блока, Японию, Австралию и Новую Зеландию.

Под глобальным государством Запада (GWS) понимается «организация интегрированной власти с полномочиями силовых решений, которая включает большое количество государств и международных организаций, статус которых определен законным порядком» и «функционирует как единый центр военной государственной власти по отношению к другим центрам» [30, Р. 199–200].

Помимо GWS Шоу выделяет еще два типа государств, составляющих основу таких центров, а именно «квази-имперские нации-государства» (Quasi-imperial nation states), включающие государства не Западного мира в Азии, Латинской Америке, Африке и Ближнем Востоке, а также «новые прото- и квазигосударства» (New proto- and quasi-states), представленные автономными регионами и странами бывшего Советского блока или государствами Африки, участвующими в конкурентной борьбе за повышение своего международного статуса.

Отношения власти, складывающиеся между этими тремя типами государств, рассматриваются как основополагающие с точки зрения понимания мирового порядка. Шоу делает вывод о произошедшей трансформации межгосударственных отношений и отношений между блоками государств таким образом, что «экстернальные (внешние) межгосударственные отношения трансформируются в интернальные (внутренние) отношения в рамках государства с новой формой власти, а именно, внутри глобального комплекса, концентрирующего государственную власть в форме, отличной от традиционных форм «государственной власти, опирающейся на принцип суверенитета» [30, P. 92].

В целом, тезис Шоу о сути трансформации межгосударственных отношений в современном мире во многом отражает реалии развивающегося процесса политической глобализации и относится к многочисленным вариантам концептуального обоснования неолиберального, прозападного видения и понимания процесса формирования транснационального государства, что в действительности, составляет в определенном смысле основу политики обеспечения глобальной безопасности, проводимой сегодня под эгидой США.

В теоретическом же смысле, нельзя не заметить некоторую односторонность государствоцентричного институционального подхода Шоу, в соответствии с которым из всей системы экономических, социальных отношений и отношений в сфере культуры приоритет отдан сугубо институциональному аспекту глобального политического процесса, как довлеющему и подчиняющему себе все иные связи и отношения.

Теоретическая конструкция Шоу включает, таким образом, совокупность концепций и идей реализма, либерализма, постмодернизма, институционализма, и при этом – весьма идеологизирована. Глобальное государство в трактовке Шоу в чем-то родственно версии Каутского – его идее об ультраимпериализме [29].

Вполне очевидно, что приведенные выше случаи, иллюстрирующие многоцветную палитру концептуализации глобальных процессов и связанной с ними проблемы глобальной безопасности, отчетливо отражают стремление определить в качестве наиболее влиятельной составляющей глобального политического процесса либо его нормативно-ценностные, либо институциональные аспекты. Отсюда в какой-то мере происходит размежевание в установлении ведущих тенденций развития и расстановка

акцентов либо в пользу демократизации глобального политического процесса, либо – направления его в русло неоавторитаризма.

Список литературы:

1. Абаканова В.А. Легализация преступных доходов: общественная опасность и противодействие // Вестник Орловского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 39–42.
2. Артамонова Е.В., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Регионализация международных отношений и безопасность: тенденции политического анализа // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2013. – № 3 (3). – С. 12–17.
3. Калюжный В.Г. Глобализация и устойчивое развитие современного мира // Власть. – 2010. – № 2. – С. 49–52.
4. Капицын В.М. Глобализация и управление идентификациями: пролегомены к стратегии развития России // Ценности и смыслы. – 2010. – № 5. – С. 68–83.
5. Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности. – СПб.: Наука, – 2006. – 496 с.
6. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Концепция рациональности и теория рационального выбора в контексте глобализации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2013. – № 4 (4). – С. 29–36.
7. Матвеев А.В. Опасность – безопасность – риск: этимологический и семантико-философский анализ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2013. – № 4 (4). – С. 4–13.
8. Модели и стратегии управления рисками международного терроризма. Т. 2. // Г.В.Артемчук, П.Н.Афонин, В.А.Журавлев, А.Н.Карпов, В.В.Лукин, В.Н.Лукин, Н.Р. Мальков, А.В.Мусиенко, Т.В.Мусиенко, А.Н.Мячин, Т.Н.Федорова, В.А.Черных, Н.Ю.Яргина. Международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности: в 3 т. / Глав.ред. А.А.Оводенко. – СПб: Наука, – 2008. – 451 с.
9. Мусиенко Т.В. Современные глобальные процессы: микрополитический анализ. – СПб: Наука, – 2004. – 598 с.
10. Нурышев Г.Н. Геокультура: современные концепции // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 123–129.
11. Нурышев Г.Н. Глобальная геополитика и геокультура // Экономика и экологический менеджмент. – 2011. – № 1. – С. 177–186.
12. Сморгунова В.Ю. Развитие мультикультурализма как правового и политического принципа // Вестник Орловского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 72–75.

13. Acharya A. Targeting Terrorist Financing: International Cooperation and New Regimes / Arabinda Acharya. London; New York: Routledge, – 2009. – 241 p.
14. Albrow M., Bradford C. I. Regionalism in Global Governance: Realigning Goals and Leadership with Cultures // Regionalisation and Global Governance: the Taming of Globalisation? / Ed. by Andrew F. Cooper, Christopher W. Hughes and Philippe De Lombaerde. New York : Routledge, – 2008. – P. 360–393.
15. Andrew Heywood. Global Politics / Andrew Heywood. Houndmills, Basingstoke Hampshire ; New York: Palgrave Macmillan, – 2011. – 560 p.
16. Changing Human Beliefs and Values, 1981-2007: a Cross-Cultural Sourcebook based on the World Values Surveys and European Values Studies / edited by Ronald Inglehart ... [et al]. 1st ed. D.F.: Siglo Veintiuno Editores, – 2010. – 262 p.
17. Evolution and Rationality: Decisions, Co-operation and Strategic Behaviour / edited by Samir Okasha and Ken Binmore. Cambridge: Cambridge University Press, – 2012. – 281 p.
18. Hanson S. E. From Culture to Ideology in Comparative Politics // Comparative Politics. – 2003. – Vol. 35. N 3. – P. 355–376.
19. Hausman D. Preference, Value, Choice, and Welfare / Daniel M. Hausman. Cambridge; New York: Cambridge University Press, – 2012. – 153 p.
20. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, Princeton, N.J.: Princeton University Press. – 1997. – 453 p.
21. Jackson R. Introduction to International Relations: Theories and Approaches / Robert Jackson, Georg Sørensen. Fifth edition. Oxford: Oxford University Press, – 2013. – 348 p.
22. Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States / Robert Jackson. Oxford; New York : Oxford University Press, – 2000. – 464 p.
23. Kegley Ch.W. The Global Future : a Brief Introduction to World Politics / Charles W. Kegley, Jr., Carnegie Council for Ethics in International Affairs, Gregory A. Raymond, Boise State University / Fifth edition. Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning, – 2014. – 368 p.
24. Li Q., Schoub Q. Economic Globalization and Transnational Terrorism // International Journal of the Peace Science Society. – 2004. – Vol. 48. N 2. – P. 230–258.
25. Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence / Ronald Inglehart, Christian Welzel. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
26. Moqhaddam F.M. The New Global Insecurity: How Terrorism, Environmental Collapse, Economic Inequalities, and Resource Shortages are Changing our World / Fathali M. Moghaddam. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, – 2010. – 199 p.

27. Oppenheimer D. Principles of Politics : a Rational Choice Theory Guide to Politics and Social Justice / Joe Oppenheimer. Cambridge: Cambridge University Press, – 2012. – 278 p.
28. Rethinking Insecurity, War and Violence: Beyond Savage Globalization? / Edited by Damian Grenfell and Paul James. London; New York: Routledge, – 2009. – 233 p.
29. Robinson W. Theory of the Global State // American Political Science Review. – 2001. – Vol. 95. N 4. – P. 1045–1047.
30. Show M. Theory of the Global State: Globality as an Unfinished Revolution. Oxford, New York : Cambridge University Press, – 2000. – 295 p.
31. State of the World 2013: is Sustainability Still Possible? / Erik Assadourian and Tom Prugh, project directors; Linda Starke, editor. Washington, DC : Island Press, – 2013. – 441 p.
32. Terrorism and the International Business Environment: the Security-Business Nexus / Gabriele G.S. Suder Ed. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, – 2004. – 241 p.
33. The Character of War in the 21st Century / Caroline Holmqvist-Jonsater and Christopher Coker Eds. London; New York: Routledge, 2010. 180 p.
34. Wedeen L. Conceptualizing Culture: Possibilities for Political Science // American Political Science Review. – 2002. – Vol. 96. N 4. – P. 713–728.